

*Александр
Тамоников*

**ПАЛАЧ
ИЗ ГАЛИЦИИ**

*Москва
2017*

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

В оформлении переплета использована иллюстрация
художника *П. Ильина*

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Палач из Галиции / Александр Тамоников. — Москва :
Эксмо, 2017. — 320 с. — (СМЕРШ — спецназ Сталина).

ISBN 978-5-699-96115-3

Только что закончилась Великая Отечественная война. Страшный враг разбит и повержен. Но его приспешники не спешат сложить оружие. На Западной Украине, в Галиции, лютует банда неуловимого Нестора Бабулы, бандеровца и палача. Ликвидировать отморожков под силу только всемогущему СМЕРШу. Капитан Алексей Кравец прибывает на место и сразу же берется за дело. Он выясняет, что «лесные братья» проникают в город через тайные подземные ходы и взять их можно только с помощью хитроумных засад. Но одному капитану, даже при поддержке местной милиции, здесь не справиться. И тогда в дело вступают бойцы его легендарной опергруппы...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-96115-3

© Тамоников А., 2017
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2017

Все, изложенное в книге,
является плодом авторского во-
ображения. Всякие совпадения
случайны и непреднамеренны.

А. Тамоников

ГЛАВА 1

Война закончилась. Наступил июль 1945 года.

Станция Тусковец была небольшой, но шумной. Пропускной способности едва хватало. Она обслуживала поезда, идущие через Львов в северо-западном направлении и обратно. Это были грузовые составы, идущие из Европы, воинские эшелоны, комбинированные поезда. Зачастую вагоны скапливались на подъездах к станции и часами стояли там. Разгрузки проходили нервно, в традиционной суете. Рычали, атакуя пакгаузы, полуторки и заморские «студебеккеры». Товарный состав с тремя пассажирскими вагонами продолжил движение в Западную Галицию с опозданием на час — нормальное явление.

— И чего вы тут скопились? — орал из ворот пакгауза взмыленный старшина с пивным животиком. — Давайте лучше я к вам в гости приду! Всех загрузим, не давитесь у ворот!

— А что, старшина, немцы прилетят, бомбить будут? — осведомился кто-то из грузчиков. — Не бойся, отлетались они.

Что верно, то верно. Немецкое присутствие в бывшем дистрикте Галиция закончилось год на-

зад. Начиналась мирная жизнь. Но порядка не прибавилось. Водители штурмовали контору, ведающую распределением грузов, трясли накладными, путевыми листами.

— Вы что мне навалили? — спросил сержант в застиранном повседневном обмундировании. — По накладным — двадцать ящиков консервов. Где они?

— Сокращение кормовой базы, сержант! — крикнул ему водитель соседней машины. — Радуйся, что это дали! А ты в трибунал подай. Давно что-то здесь никого не расстреливали!

Станция охранялась военными Лепеньского и Жлотовского гарнизонов. Националистическое подполье иногда шалило, но крупных диверсий солдаты не допускали. Они проверяли прибывающие машины, обыскивали грузы, сверялись с накладными. Подозрительных личностей разворачивали или забирали в комендатуру для проверки. По перронам и запасным путям сновали патрули — красноармейцы и местные жители, поддерживающие новую власть, бойцы так называемых истребительных отрядов.

На автостанции, расположенной неподалеку, ругались люди. Сломался автобус, который должен был отправляться в Збровичский район. Единственный утренний рейс. Что теперь делать?

От пакгаузов на север пылил «ЗИС-5», громоздкий трехтонный грузовик с высокими бортами. В кабине сидели двое военных. На обочину вышел подтянутый капитан средних лет с пого-

нами НКВД, махнул рукой. Водитель неохотно остановил машину.

Офицер подошел к кабине. Шофер в заломленной пилотке несколько минут выяснял с ним отношения, пытался возражать. Зевал молодой сержант, сидящий рядом. Все происходящее его не касалось.

Переговоры завершились в пользу офицера. Водитель раздраженно махнул рукой. Ладно. Это, конечно, нарушение инструкции, но надо помочь людям. Сержант лениво спрыгнул с подножки, пошел открывать задний борт.

Капитан НКВД обернулся к людям, толпившимся на остановке, и заявил:

— Товарищи, кому в Збровичи, садитесь. Автобуса до вечера не дождетесь.

К машине уже хромал, помахивая чемоданом, лысоватый мужчина. Устремилась через дорогу молодая женщина с трехлетним ребенком и тяжелой сумкой. Пожилые супруги поколебались и тоже двинулись на посадку. Муж волок в сетке огромную тыкву. Почесал затылок субъект со шрамом в залатанном пиджаке, глянул на автобус, вставший на долгий прикол в конце площади, и тоже отделился от остановки. Не подарок, ясное дело, сорок минут по колдобинам в кузове, но выбора-то нет. Светловолосый мужчина лет тридцати в легкой куртке, наброшенной поверх приличного, хотя и не нового костюма, тоже поколебался, посмотрел на часы. Он подхватил продолговатый немецкий рюкзак из тех,

что входили в снаряжение солдат горно-егерских подразделений, взвалил на плечо.

Лысый тип уже вскарабкался в кузов, принял хнычущего ребенка, помог забраться молодой женщине.

— Дядечка, да эта тыква тяжелее тебя, — пробурчал он, принимая сетку. — С ума сошел? Куда ты ее тащишь? Самый бессмысленный продукт!

Светловолосый мужчина помог взобраться пожилой женщине, забросил рюкзак, запрыгнул сам.

— Больше нет желающих? — К заднему борту снова подошел сержант с ППШ за плечом. — Груз не трогать, брезент не снимать! — Он строго посмотрел на пассажиров. — Всем сидеть вдоль бортов и не вставать. Сейчас немного потрясет. — Он подмигнул кудрявой женщине с пухлыми щечками, с лязгом зафиксировал борт.

Люди рассаживались на грязном полу, опаливо косились на зачехленный груз.

— Доедем как-нибудь, — сказал мужик со шрамом и подмигнул разбойничьим глазом трехлетнему пацаненку.

Тот жался к мамке, отворачивался.

В присутствии капитана НКВД пассажиры вели себя сдержанно, языками не болтали. Водитель резко тронул с места. Кузов заходил ходуном. Лысоватый тип ругнулся, перехватил осуждающий взгляд офицера и прикусил язык. Молодая женщина украдкой поглядывала на оса-

нистого блондина, пару раз вздохнула. Видимо, она в одиночку воспитывала ребенка.

«ЗИС» выехал за пределы станции. Водитель размашисто вертел баранку, объезжал колдобины и воронки от снарядов, заросшие сорняками. Компактный поселок Тусковец остался в стороне. По обочинам тянулись поля, светлые березняки. Грунтовая дорога петляла по равнине. Луга пестрели цветами, в высоком небе наперегонки носились стрижи. На востоке простирались волнистые зеленые холмы. Природа в этой части Галиции радовала глаз. Впрочем, пыль, запах сгоревшего топлива не позволяли людям насладиться живописными пейзажами. Приближался смешанный лес, дорога втягивалась в чащу, пропадала за деревьями.

Навстречу прогремел самосвал, обдал смрадом. Тащилась подвода. Возница в картузе лениво щелкал плетью, что-то покрикивал.

Заснул ребенок на руках у матери. Зевали пенсионеры. Монотонная тряска убаюкивала всех.

Светловолосый мужчина поменял позу — затекла нога — извлек из куртки пачку «Беломора», красивую трофейную зажигалку, закурил. На него косо глянул сосед, мужик со шрамом. Курильщик оказался понятливым, протянул пачку, из которой мгновенно убыла папироска.

Капитан, привалившийся к ящикам, достал пачку «Севера» и тоже задымил. Ему было лет под сорок, ладно сбитый, ростом природа не обидела, заношенная форма сидела на нем как

влитая. Две залысины на лбу его не портили, скорее придавали солидность, а вкупе с погонами и убедительность. Он пристально разглядывал пассажиров, особенно мужчин.

Приближался протяженный зеленый массив между станцией Тусковец и райцентром Збровичи. В низине на востоке прятались несколько хат с четырехскатными соломенными крышами. За околицей паслись худые коровы. Тощий пастух на древней кляче провожал глазами пылящую трехтонку. На опушке раскинулось кладбище. Под холмиком возвышалась островерхая каплица, что-то вроде божницы или часовни.

Вдоль обочин потянулись деревья. Хвойный лес перемежался лиственным. Водитель прибавил скорость. Пассажиры высовывались из кузова, вертели головами. Курильщики жадно дымили. Пожилой мужчина обнял свою тыкву так, словно на нее кто-то покушался. Открыла глаза его супруга, мазнула недобрым взглядом капитана НКВД.

— Скоро приедем, — пробормотал лысоватый тип, пристраивая локоть на чемодан. — За лесом речушка Водяга, а там за полем и Збровичи. Тридцать три километра от станции до южной околицы.

— Водяга? — повторил чудное слово светловосый мужчина. — Хорошее название.

Пассажиры говорили по-украински, он их понимал, хотя сам предпочитал великий и могучий.

— Там вода едва течет, — сказал человек со шрамом, сидящий у заднего борта. — А в Збровичах и вовсе другая речушка — Излучь называется. Вертялая штука такая.

— Впервые в этих краях? — спросил капитан, пристально созерцая блондинистого незнакомца.

— Впервые, — подтвердил тот. — В других районах приходилось бывать, а в этом еще нет. В командировку еду.

— Вы прибыли по распределению, по комсомольской путевке, на добровольной основе?

— Поздновато мне по комсомольской путевке. По велению души и организованному набору. В данный момент следую из города Львова.

— Имею еще парочку вопросов. Не возражаете? — настаивал капитан. — Вы из какой области? По инженерной линии, строительству или имеете отношение к агрономии? — Он настороженно разглядывал незнакомца.

Его профессиональные навыки работали на автоматизме. Капитана так и подмывало проверить документы у подозрительного типа, имеющего привычку не прятать насмешливые глаза. Ладно, не сейчас, позднее, когда прекратится эта жуткая болтанка.

Блондин не успел ответить.

Привстал, держась за борт, мужчина со шрамом. Водитель сбавил скорость. Заволновались остальные, вытянули шеи. Проснулся и захныкал ребенок.

Лес еще не кончился. На обочине стояли трое мужчин в красноармейской форме. По виду патруль. В них не было ничего угрожающего — расслабленные позы, автоматы за плечами. Плечистый старший сержант в фуражке вышел на дорогу и поднял руку. Солдаты равнодушно смотрели, как неповоротливая машина замедляет ход, прижимается к обочине.

— Вот какого хрена? — проворчал мужик со шрамом, облизывая губы. — Чего им неймется? — Он быстро глянул на капитана и смутился.

— Тут часто такое, — пробормотал лысоватый дядька. — Проверка за проверкой, время беспокойное.

— Всем сидеть, — проворчал капитан.

Он встал, как бы невзначай подтянул кобуру ближе к животу, пальцы нервно постукивали по застежке. Вроде все в порядке, обычная проверка.

Мордатый старший сержант с надутым лицом обошел капот и буркнул водителю:

— Здравия желаю. Проверка. Документы на груз, солдатские книжки. Кто разрешил пассажиров перевозить?

Водитель что-то бормотал, оправдывался, шуршал бумагами. Старший сержант изучал документы. Сопровождающий в кабине помалкивал. Остальные патрульные мялись на обочине. Новенькая форма, суконные бриджи с пышными галифе. На сапоги налипла грязь, листва. Один боец закурил, второй поправил автомат, вися-

щий на плече, вскарабкался по колесу на борт, осмотрел пассажиров.

— Из какой части, боец? — спросил капитан.

Патрульный отделался молчанием, только кивнул на своего сержанта. У него, дескать, спрашивай.

— Все нормально. — Старший сержант отдал водителю бумаги, поглядел наверх. — Груз, пожалуйста, к осмотру. Это вы везете, товарищ капитан?

— Нет. Предъявите ваши документы, товарищ старший сержант. — Рука капитана НКВД снова поглаживала застёжку кобуры.

Начальник патруля бросил быстрый взгляд через капот на долговязого жердя с рыжинкой в сальных волосах. От внимания капитана не укрылось, что большой палец правой руки этого типа скользнул с антабки по ремню автомата. Третий патрульный прыгнул с колеса, засадил занозу в палец и ругнулся.

Все трое вздрогнули, когда раздался резкий автомобильный сигнал. По встречной полосе шла старенькая полупторка — «ГАЗ-АА». Водитель давил на клаксон. Старший сержант прижался к кабине. Полупторка промчалась мимо, едва не зацепив его. Несколько секунд внимание патрульных было отвлечено.

Капитан, стоящий в кузове, вдруг услышал какую-то возню за спиной. Он резко обернулся и распахнул глаза. Молодая женщина взвизгнула и прижала к себе ребенка.